

Сумин Олег Коварный Гегель

(По поводу послесловия Е.Г.Соколова к его переводу работы А.Кожева «Введение в Систему Знания». — «Метафизические исследования». Вып. 6. СПб, 1998, с. 293-296)¹

Прежде всего хочу поблагодарить Е.Г.Соколова и журнал «Метафизические исследования» за перевод и публикацию отрывка работы Кожева «Введение в Систему Знания».

В конце публикации помещено интересное послесловие переводчика, в котором он рассказывает о некоторых подробностях творческой биографии Кожева и высказывает свое мнение о характере влияния на него Гегеля, о характере влияния этой философии на читателя вообще. Мнение это заключается в следующем: «Гегель — коварен, — пишет Е.Соколов, — его система обладает таким мощным духовным и эмоциональным зарядом, что «скручивает и поглощает» адепта, не позволяет иного мнения, неотвратимостью железной логики не оставляет выхода, а длительное погружение в гегелевские тексты подавляет и деформирует сознание, лишает самостоятельности, вынуждает смотреть на мир (и на философию в частности) только сквозь призму гегелевской интенции. Вероятно любой, читавший произведения великого немца, это ощутил на себе: сохранить «собственный голос» практически невозможно, и, как результат, — абсолютное подчинение авторитету, «интеллектуальная неменяемость» (или «концептуальная импотенция»). Иными словами, возникает ситуация религиозного порядка: свершившегося обретения Истины» (с.293).

Сказано неплохо — красочно, образно, с передачей многих действительных оттенков этой философии, которые в подобном образном изложении, однако, приобретают столь зловещий характер, что просто диву даешься: какой, видимо, выдержкой и силой воли нужно обладать человеку, чтобы не сломиться и не пасть духом в застенках гегелевской философии. И просто жаль становится множество бедняг, включая Кожева, которые не выдержали и сломились, превратясь в скрученных, изнемогающих адептов, покорно скованных тяжелой железной цепью диалектической логики, с напрочь деформированным сознанием, не имеющих собственного голоса, рабски пресмыкающихся перед авторитетом Гегеля и в довершение ко всему неменяемых и импотентных (интеллектуально и концептуально). Еще серьезней начинаешь беспокоиться за тех, кто, не зная этих

¹ После каждого выпуска альманаха в адрес редакции поступают отклики. Мы рады, что альманах «Метафизические Исследования» имеет заинтересованного и, в целом, доброжелательного читателя. Ниже мы помещаем полемический отклик г-на Сумина О. из Софии на одну из публикаций альманаха, т.к. нам кажется, что затрагиваемые г-ном Суминым О. вопросы касаются важного аспекта современного историко-философского знания, а именно — отношения к гегелевскому наследию, а потому представляют интерес не только для членов редакционной коллегии альманаха.

ужасных коварств, приступает к изучению философии Гегеля с наивным желанием познать истину... Для этих последних подобная характеристика, наверняка послужит хорошим предостережением от «длительного погружения в гегелевские тексты» (отчего так и не уберется бедняга Кожев) и позволит им выйти из казематов философии Гегеля нескрученными и гордо выпрямившимися, не отказавшимися от собственного мнения и голоса, презирающими всякие авторитеты (а Гегеля особенно) и, что самое важное, — полностью вменяемых и сохранивших все жизненно необходимые функции!

Как тут не удивиться величию и могуществу русского языка! Стоит окантоваться придать описанию какого-либо учения побольше художественности, налегая на определения, которыми характеризуют обычно средневековую монашескую дисциплину или дух сталинской эпохи, употребить названия, которыми медицина определяет психические и половые заболевания, и учение тут же предстает в виде страшного монстра, разрушающего психику обратившегося к нему индивида. Но такова сила художественного слова. Последнее, однако, сильно только в форме, а каким содержанием эту эффектную форму наполнить решает произвол художника. У меня, например, имеются не меньшие основания написать следующее: «Гегель — предельно искренен и в нем нет ни малейшего грена коварства: его система обладает таким мощным духовным и эмоциональным зарядом, что эта прямота и открытость истине сразу же возвышает человека, если он действительно ищет последней, а не стремится к художественному оригинальничанью на почве философии. Она с первых шагов освобождает его от всех превратных мнений и силой своей просветляющей логики возносит его над пустословием к самой сути вещей, а длительное погружение в гегелевские тексты исцеляющим образом воздействует на сознание, лишает его ложной и суетной псевдосамостоятельности, позволяет смотреть на мир (и на философию в частности) только сквозь призму разума и истины. Вероятно любой, читавший произведения великого немца, это ощутил на себе: сохранить «собственный голос» суетного мнения, судящего все и вся только со своей частной колокольни, спрятавшись в тесную скорлупу своей субъективности, практически невозможно, и, как результат, — абсолютное освобождение от авторитета всех обыденных предрассудков, «интеллектуальная просветленность» (или «концептуальная ясность»). Иными словами, возникает ситуация истинно философского порядка: свершившегося восхождения к сфере Истины».

Как не трудно убедиться, данная характеристика ничем не хуже — все зависит от уже заранее имеющегося субъективного предубеждения — отрицательного или положительного.

Высказанное столь колоритно мнение переводчика о пагубности влияния философии Гегеля, о ее коварном характере является, по-видимому достаточно популярным¹.

Как выше уже было отмечено, при всей субъективной тенденциозности

¹ Не менее яркую метафору подобной направленности приводит, например, Т.Рокмор в одной из своих статей о Гегеле. Кто-то из его соотечественников сравнивает систему Гегеля с ловушкой для мышей: попадешь в нее хотя бы раз — уже не сможешь выскочить из нее никогда.

подобных определений они все же в отрицательной форме ухватывают существенную черту философии Гегеля, которая состоит в том, что мысленно, серьезно ставшее на точку зрения этой философии, действительно обязательно принимает ее в качестве единственно верной и не желает далее принимать какие-либо иные мнения, направления и формы мысли в качестве альтернативы. А если к последним оно и обращается, то только через их вбирание внутрь самой «гегелевской интенции», как выразился Е.Соколов. Именно на эту черту налегают подобные описания и для ее пояснения находят исключительно негативно окрашенные метафоры. И если мы ими соблазняемся, то нам ничего другого не остается, как только посетовать на то, что, действительно, безобразием является со стороны Гегеля так обрезать крылья и запирает в клетку своей скучной системы вечно ощущающий истину, беспокойный человеческий дух.

Действительно ли, однако, эта черта философии абсолютного идеализма столь негативна? Если это так, если философия Гегеля столь тиранична, то может быть лучше всего не только «не погружаться длительно в ее тексты», а вообще не прикасаться к ней? Ведь кто может ручаться за того, кто легкомысленно подвергнет себя такому почти дьявольскому искушению? Сумеет ли он выскочить из этой пагубной мышловки прежде, чем перед его носом захлопнется ужасная дверца «Науки Логики»?

На первый взгляд требование какого-либо философского учения воспринимать его как «единственно верное», действительно воспринимается как нечто отрицательное, как некая напыщенная претенциозность, с одной стороны, и как «промывание мозгов» — с другой. Именно такое восприятие и демонстрируют нам большинство критиков Гегеля, не давая себе труда вникнуть в мотивы подобных требований. С самого начала они подходят к философии Гегеля с уже имеющимся предубеждением, что его система неверна. При этом вопрос о том, в чем же она неверна совершенно не дискутируется. Здесь с самого начала исходят как из факта из того, что раз философия Гегеля была создана двести с лишним лет назад, то следовательно, она (хотя может и содержит в себе кое-что полезное — размеры этого «полезного» зависят от великодушия критиков) тем не менее в целом не могла не устареть. А посему и содержащиеся в ней поползновения на вечное обладание истиной, конечно же, неверны. И при таком подходе, при таком первоначальном предубеждении — наготово позаимствованном из общественного ходячего мнения, действительно, нельзя примириться с тем, что признаваемая тобой за неверную и ошибочную философская система, ведет себя столь недемократично, не признает никакого «плюрализма», словом ведет себе в сфере духа, в сфере мысли почти также как товарищ Сталин вел себя в своей политике и идеологии.

Таким образом, оценка этой, на первый взгляд «недемократической» черты философии Гегеля всецело зависит от того, как и чем сознание считает эту философию. И если оно идет на поводу у популярных отрицательно-поверхностных мнений об этой философии, то оно закономерно воспринимает и эту черту как нечто всецело негативное и пагубное для «свободы мысли».

Однако, эту особенность философии Гегеля ведь можно рассматривать и иначе. А если мы возьмем и предположим хотя бы на миг, что система абсолют-

ного идеализма является в себе верной? Если мы по своей наивности вдруг считаем, что система спекулятивного, определенного в нем самом всеобщего мышления является точкой зрения разумности мышления, точкой зрения истины? Как быть тогда? Тогда определения, что эта философия «не позволяет иного мнения, иного выхода», все «подчиняет своему авторитету» и т.д. будут означать лишь, что она просто не позволяет иного мнения, кроме истинного и не признает ничего, кроме авторитета самой истины. «Скрученные адепты» тогда оказываются просто последовательными и честными, искренними людьми, которые не хотят иного мнения, кроме истинного, разумного.

Таким образом, данную черту философии Гегеля нельзя рассматривать отдельно саму по себе, без первоначального выяснения вопроса о том, а истинна ли в себе самой, по своим основным положениям эта философия? Только выяснение этого вопроса может нам прояснить и то, справедливо или же ложно это выдвигаемое системой абсолютного идеализма требование. И поскольку Е.Соколов не приводит никаких аргументов относительно ошибочности самих метафизических принципов этой системы, то и в справедливости его восприятия данных особенностей философии Гегеля читатель вправе усомниться.

Людей, которые охотно пользуются подобными метафорическими определениями, в философии Гегеля более всего пугает то, что она имеет вид системы. Это слово — «система» — на людей подобного художественного склада мысли явно навевает тоску и уныние. Вероятно, они твердо убеждены в том, что Истина и Свобода противоположны системе, систематическому, и, наверняка, они не смогут принять выражения «система свободы», каковой фактически является система Гегеля. Систематический способ мышления содержит в себе требование показывать необходимость своих положений. Именно вот эта форма необходимости и пугает более всего всех подобных критиков Гегеля. Им бы хотелось, чтобы свобода духа не имела формы необходимости, формы системы. Иными словами, разуму, свободе, абсолюту, богу они хотя и придают форму случайности. Они почему-то не хотят, чтобы истина и свобода были необходимостью, как это у Гегеля, а чтобы последние были делом произвола индивида. Критики Гегеля при этом не замечают, что они, отрицая форму систематичности, необходимости для мышления, для духа, отрицают сам дух, само понятие свободы. Если свобода не имеет необходимости систематичной формы, то тогда возможность ее обретения зависит от случайности, от произвола индивида и внешнего случая. Такое состояние трудно назвать свободой. Именно против этого произвола и случайности в деле утверждения свободы и выступил Гегель. Именно он впервые сумел возвести свободу, разум в форму необходимости, системы. Он доказал, что свобода не зависит от случая или каприза человека: свобода — это не произвол, а необходимость, но это есть необходимость самого разума, разумного и потому — это свобода. Именно вот эта форма необходимости свободы и наделила философию Гегеля тем «мощным духовным и эмоциональным зарядом», — как выразился Е.Соколов, — именно вот эта форма необходимости истины и сникала Гегелю столько поклонников и, одновременно, столько недоброжелателей, которым по тем или иным причинам несудобно (или невыгодно) находиться на почве разумной определенности духа.

Но если мы примем, что истина должна иметь необходимо-систематическую форму и что несистематический разум есть разум в форме случайности, что система абсолютного идеализма, таким образом, является первой в истории духа «системой свободы», которая вырвала разум из сферы случайности и возвела его в систему абсолютного мышления (мышления об абсолютном) в себе самым систематически определенным, то что тогда будет означать требование «выскочить из мышеловки Гегеля»? Тогда это будет требованием «выскочить» из разумной систематичной определенности мышления к стихийно-чувственной неопределенности. Иными словами, если систематическая определенность разума, то тогда, уходя с ее почвы, мы возвращаемся в прошлое, в уже пройденный этап неопределенных поисков, смутной тоски по разумному. Спрашивается тогда — а чего хочет тот, кто столь настойчиво зовет нас покинуть разумно-систематическую определенность? Знает ли он чего хочет? Если не знает — еще понятно: значит он просто по неведению хочет уйти с разумной почвы — «не ведает, что творит». А если знает? Значит он сознательно, что ли, зовет нас к неразумию? Кто же, спрашивается, тогда коварен? Гегель, который поставил мышление на стезю разумной определенности или тот, кто тащит нас в то, что человечество уже проходило как раз до Гегеля — стихийный поиск разумного?

Е.Соколов пишет: «Возникает ситуация религиозного порядка: свершившегося обретения Истины». В его устах это звучит как упрек. Автор, вероятно, придерживается того мнения, что дух, мышление либо вообще не имеет право считать себя возвысившимся на точку зрения истины, на что претендует уже даже религия, либо именно только религия имеет это право, а философия не должна. В любом случае, «ситуация свершившегося обретения истины» явно для автора есть нечто компрометирующее человека. Но не более ли себя компрометирует та точка зрения в философии, которая заранее отказывается от права обрета истины? В подобном взгляде фактически содержится отказ от самого предмета философии, философии вообще. Этот взгляд есть точка зрения опытной науки, которая, занятая миром явлений, дает нам только относительное знание и подвергает скептицизму все заявки на знание абсолютное. Но данную точку зрения опытная наука отстаивает потому, что ей неведом иной предмет, кроме того, который дан непосредственности чувств. А поскольку непосредственно дано только относительное и конечное, поэтому и истины опытной науки всегда есть конечные истины. Но профессиональная особенность философии и состоит как раз в том, что она не имеет дела с теми предметами, которыми заняты опытные науки о природе и духе. Предмет философии тождествен вовсе не с предметом естествознания, а с предметом искусства и религии. Как и у последних это предмет есть всеобщее и бесконечное, которое не дано непосредственному созерцанию или чувству, но только духу и мысли. Поэтому неудивительно, что философия как и религия может содержать в себе претензию на то, что она есть та сфера, которая обретает истину. Ситуация «свершившегося обретения Истины» поэтому есть не только ситуация религиозная, но и философская и даже более философская, чем религиозная, потому что именно философская форма обретения истины и свободы есть наивысшая. Но не за счет того, что она отказывается от того постижения абсолютного, которое нам дает религия, а за счет

того, что она вбирает его в себя и лишь придает религиозному чувству всеобщего форму знания. Или, как выразился еще И. А. Ильин: «Одно из величайших духовных заданий философии состоит в том, чтобы познать и раскрывать силами разума все то предметное содержание, которая религия считает своим исключительным достоянием, и в этом познании отделить истинное от ложного, утверждая истинное на основах незыблемой очевидности... Религиозная «истина» есть лишь смутное и сбивчивое предвосхищение философской истины, и разуму надлежит вступить в свои права. Разум... не потому должен воспринять и критически раскрыть все основное содержание религии, что человеку следует измерять все своим умом, но потому, что разум не просто человечесен: он сам божествен и притом он божественнее верующего чувства и созерцающей религии. Разум не только не бесплоден и не скуден, но он плодотворнее и богаче чувствующей веры: он сохраняет всю истинную глубину религии... философия есть высшая и достойнейшая форма уверенного исповедания истины»³.

¹ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб. 1994. С.176